

Рождественский Д. В., свящ. Наставления и предречения книги пр. Захарии, касающиеся постов и праздников, как урок нашему времени: [Речь перед защитой магист. дисс. (Книга пр. Захарии: Исагогическое исслед. Вып. 1. Серг. П., 1910)] // Богословский вестник 1911. Т. 3. № 10. С. 310–330 (2-я пагин.).

Наставленія и предреченія книги пр. Захаріи, касаю- щіяся постовъ и праздниковъ, какъ урокъ нашему времени.

(Рѣчь предъ защитою магистерской диссертаціи: „Книга пророка Заха-
ріи. Исагогическое изслѣдованіе. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1910“).

I.

Ап. Петръ писалъ увѣровавшимъ во Христа: *мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово; и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, доколѣ не начнетъ разсвѣтатъ день и не взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ вашихъ* (2 посл. 1, 19).—Близится къ концу уже вторая тысяча лѣтъ, какъ мы имѣемъ превосходнѣйшее ветхозавѣтнаго ученіе евангельское. Давно возшло для міра *Солнце правды* (Мат. 4, 2; Лук. 1, 78)—Христось; по въ сердцахъ многихъ, именующихъ себя христианами, царитъ еще мракъ. А потому и теперь, какъ много вѣковъ назадъ, хорошо поступаетъ тотъ, кто обращается и къ ветхозавѣтному пророческому слову, какъ къ свѣтильнику, могущему разсвѣять мракъ невѣдѣнія или забвенія заповѣдей Божіихъ.

Въ наше время много разсуждаютъ и спорятъ о праздникахъ и постахъ,—въ частности: о сокращеніи числа праздничныхъ дней и объ ослабленіи дисциплины поста, о дозволительности разнаго рода зрѣлищъ и увеселеній въ дни праздниковъ и постовъ, о времени открытія и закрытія торговыхъ заведеній въ праздничные дни, объ отношеніи законодательства къ праздникамъ магометанъ и евреевъ, живущихъ въ Россіи, и пр. Какъ эти разсужденія и споры, такъ

и самая жизнь современнаго христіанскаго общества, въ его отношеніи къ постами и праздникамъ, убѣждаютъ въ необходимости обращенія къ свѣту откровеннаго слова Божія. Попытаемся указать на гѣ уроки нашему времени, какіе можно извлечь изъ писанія великаго между малыми пророка Захаріи: въ двухъ среднихъ главахъ своей книги (7 и 8) онъ касается вопроса объ отношеніи постовъ къ нравственнымъ заповѣдямъ; а въ заключительной главѣ 14-ой изображаетъ наступленіе поры повсюднаго распространенія истиннаго богопознанія и всеобщаго освященія, когда уклоненіе отъ празднованія одного изъ великихъ праздниковъ будетъ навлекать на виновныхъ тяжкое наказаніе.

Болѣе чѣмъ за пять вѣковъ до Рождества Христова, въ эпоху возстановленія іудейскаго общества послѣ плѣна возникъ вопросъ объ отмиѣнѣ постовъ, установленныхъ въ память окончательнаго разгрома Іудейскаго царства предъ началомъ плѣна. Посты эти соблюдались довольно долгое время и послѣ полученія іудеями свободы и возвращенія ихъ на родину. Но когда въ четвертый годъ Дарія, т. е. приблизительно двадцать лѣтъ спустя послѣ изданія указа Кира объ освобожденіи іудеевъ, дѣло возстановленія храма далеко подвинулось впередъ и вообще обстоятельства значительно измѣнились къ лучшему; нѣкоторую часть іудейскаго общества стала смущать мысль, благовременно ли теперь соблюдать тѣ посты, смыслъ соблюденія которыхъ, повидимому, утратился: время ли теперь поститься и скорбѣть, когда обстоятельства вызываютъ радостныя чувства, когда есть, кажется, полное основаніе для надежды на лучшее будущее? И въ Иерусалимѣ является посольство—*помолиться предъ лицемъ Господа и спросить у священниковъ, которые въ домъ Господа Саваова, и у пророковъ, говоря: плакать ли мнѣ въ пятый мѣсяцъ и поститься, какъ я дѣлалъ это уже много лѣтъ?* (Зах. 7, 2—3). Послы обратились къ священникамъ, которымъ принадлежало право разрѣшенія подобнаго рода вопросовъ, и къ пророкамъ, чрезвычайнымъ вѣстникамъ воли Божіей. Что отвѣтили на вопросъ посольства священники, мы не знаемъ. Изъ повѣствованія пророческой книги видно, что они сами нуждались во вразумленіи (ст. 5), и слѣдовательно, отвѣтъ ихъ, если гадовой и былъ данъ, не разъ-

ясняль существа дѣла. А отвѣтъ пр. Захаріи, данный отъ лица Божія, полонъ глубокаго смысла и значенія не для однихъ только евреевъ того времени.

II.

И посланные и пославшіе были, какъ видно, люди благочестивые и богобоязненные, покорные тѣмъ лицамъ, которыми отъ Самого Бога имѣли полномочіе *научать сыновъ Израилевыхъ всѣмъ уставамъ* (Лев. 10, 11). Они соблюдаютъ въ теченіе долгаго времени посты, въ знакъ скорби о разрушеніи священнаго города и святого храма и для умоливленія Бога, разгнѣваннаго грѣхами предковъ. При измѣнившихся обстоятельствахъ, они не рѣшаются отмѣнить по доброй волѣ установленные посты, а обращаются за разрѣшеніемъ къ священникамъ и хотятъ узнать волю Божию чрезъ пророковъ. Тѣмъ неожиданнѣе отвѣтъ пророка. Его рѣчь далека отъ похвалы, въ первой части она всецѣло обличительная. Уже самая форма, въ какую пророкъ облачаетъ свой отвѣтъ, показываетъ, что его слова не будутъ соответствовать ожиданіямъ вопрошающихъ. Онъ начинаетъ данное ему откровеніе рядомъ вопросовъ: *когда вы постились и плакали въ пятомъ и седьмомъ мѣсяцѣ, притомъ уже семьдесятъ лѣтъ; для Меня ли вы постились? для Меня ли? И когда вы ѣдите и когда пьете, не для себя ли вы ѣдите, не для себя ли вы пьете?* (стт. 5—6). Посты, о которыхъ идетъ рѣчь, не были установлены Богомъ: къ чему же спрашивать разрѣшенія на ихъ отмѣну?—какъ бы такъ говорить пророкъ. Эти посты не имѣли къ Богу никакого отношенія. Да и вообще воздержаніе само по себѣ не можетъ быть ни благоугоднымъ Богу, ни противнымъ Его волѣ. Какъ человѣкъ ѣсть и пить для себя, для поддержанія собственной жизни: такъ и постится не для Бога: онъ воздерживается отъ пищи или по болѣзненному состоянію тѣла или при угнетенномъ состояніи духа. Воспоминанія о страшномъ бѣдствіи естественно заставляли забывать о пищѣ; этого рода воздержаніе—прямое слѣдствіе поступковъ человѣка, навлекающихъ гнѣвъ Божій:—подобно тому, какъ за дурными же поступками слѣдуютъ угрызенія совѣсти: ни то, ни другое не представляетъ нравственной заслуги.

Вопросъ, который теперь предлагаютъ послы священникамъ и пророкамъ, въ сущности, разъясненъ еще до плѣна—преждебывшими пророкамъ. *Не тѣ же ли слова провозглашалъ Господь чрезъ прежнихъ пророковъ, когда еще Иерусалимъ былъ населенъ и покоенъ, и города вокругъ него, южная страна и низменность, были населены?* (ст. 7). Богъ многократно требовалъ отъ народа не постовъ, а исполненія нравственныхъ заповѣдей, требовалъ любви къ ближнему и справедливости. *Такъ говорилъ тогда Господь Саваовъ: производите судъ справедливый и оказывайте милость и состраданіе каждый къ брату своему; вдовы и сироты, пришельца и бѣднаго не притѣсняйте и зла другъ противъ друга не мыслите въ сердцѣ вашемъ* (стт. 9—10; ср. Исх. 23, 6—9; Ис. 1, 17; 66, 1—3; Иер. 21, 12: 22, 3; 25, 3—7; Ам. 5, 21). Но какъ народъ отвѣчалъ на эти ясныя и настойчивыя требованія? Пренебреженіе къ словамъ пророковъ, упорство и ожесточеніе сердца были на это отвѣтомъ. *Они не хотѣли внимать, отворотились отъ Меня, и уши свои отяготили, чтобы не слышать. И сердце свое окаменили, чтобы не слышать закона и словъ, которыя посылалъ Господь Саваовъ Духомъ Своимъ чрезъ прежнихъ пророковъ* (стт. 11—12). И что же? Оставляя въ небреженіи заповѣди, евреи считали себя ослушниками воли Божіей? Нѣтъ: наказанные за грѣхи плѣномъ, они, помимо прямого повелѣнія Божія, установили посты; и, не обратившись на путь исполненія заповѣдей, полагали, что загладили внѣшними подвигами свои нравственныя преступленія и заслужили отъ Бога милость и прощеніе. Они хотятъ теперь освободиться отъ добровольно наложеннаго послушанія и для спокойствія совѣсти обращаются за разрѣшеніемъ къ установленному Богомъ священству и къ пророкамъ. Такимъ образомъ, постясь въ продолженіе семидесяти лѣтъ въ положенные дни, не усыпляли ли іудеи свою совѣсть, не пытались ли обмануть Бога, обманывая и самихъ себя? Заповѣди не хотѣли исполнять и „съ закрытыми ушами презирали повелѣнія Божія...: а теперь съ такою точностію спрашиваютъ: когда они должны поститься и плакать“—замѣчаетъ въ толкованіи на это мѣсто бл. Иеронимъ. Нелицемѣріе ли спрашивать теперь священниковъ и пророковъ объ отмѣнѣ постовъ, когда самовольно отмѣнено исполненіе заповѣдей? И не явственно ли звучитъ въ словахъ послы:

какъ я дѣлалъ это уже много лѣтъ (ст. 3) нота фарисейскаго упованія на внѣшніе подвиги и самопревозношенія? Слѣдовательно, если посланные и пославшіе и были праведны, то праведность ихъ не превосходила праведности книжниковъ и фарисеевъ позднѣйшаго времени (Мѡ. 5, 10).

За упорство и невнимательность къ словамъ пророковъ и за неисполненіе заповѣдей Богъ наказалъ предковъ плѣномъ и опустошеніемъ страны (стт. 11—14). Этотъ опытъ долженъ былъ бы убѣдить потомковъ въ необходимости искренняго и всецѣлаго обращенія къ Богу; однако, и послѣ грознаго посѣщенія Божія, коренной перемѣны въ нравственномъ поведеніи извѣдавшихъ бѣдствія плѣна не послѣдовало. Это видно и изъ первой пророческой рѣчи Захаріи и изъ видѣній свитка и ефы; это обнаруживается и въ данномъ случаѣ. Іудеи постились и плакали въ установленные дни въ продолженіе семидесяти лѣтъ; но очевидно, не о грѣхахъ, которые навлекли великое бѣдствіе на всю страну, а о тяжести постигшихъ ихъ бѣдствій. Плѣнъ, конечно, послужилъ для іудеевъ горниломъ очищенія въ томъ отношеніи, что они почти совершенно освободились отъ господствовавшей среди нихъ въ доплѣнное время склонности къ грубому идолопоклонству. Но формализмъ и фарисейство, бывшія предметомъ обличенія и доплѣнныхъ пророковъ, становятся господствующими пороками послѣплѣннаго іудейства и приводятъ къ не менѣе пагубнымъ послѣдствіямъ.

III.

Освобожденіе изъ плѣна пробудило въ іудеяхъ самыя неуемренныя надежды, отъ которыхъ они, впрочемъ, легко переходили къ отчаянію. Изъ отвѣтной рѣчи пророка ясно, что цѣлью вопрошавшихъ было не одно только разъясненіе религіозно-обрядоваго вопроса. Повидимому, съ вопросомъ о постахъ обратились не къ однимъ священникамъ, но и къ пророкамъ, не безъ тайнаго намѣренія—выяснить, что же ждетъ общину въ ближайшемъ будущемъ: не теперь ли слѣдуетъ ожидать возвращенія милости Божіей и полноты мессіанскихъ благъ? Пророкъ со всею ясностью показалъ, что ожидаемыя блага пока ничѣмъ не заслужены. Но сообразуясь съ положеніемъ и настроеніями іудейства своего времени,

онъ не даетъ краткаго и категоричнаго отвѣта на вопросъ посольства, предвидя возможность нежелательныхъ послѣдствій и отъ положительнаго и отъ отрицательнаго отвѣта. Въдь, если бы пророкъ просто отмѣнилъ посты, какъ установленные не въ силу повелѣнія Божія, іудеи могли бы придти къ тому заключенію, что ихъ предположенія о рѣшительной перемѣнѣ обстоятельствъ къ лучшему основательны: а объ условіяхъ возвращенія милости Божіей они совѣмъ перестали бы думать. Если бы пророкъ потребовалъ продолженія постовъ, народъ впалъ бы въ уныніе, полагая, что гнѣвъ Божій все еще продолжается; а такое настроеніе сопровождалось бы упадкомъ энергій и могло вызвать замедленіе въ дѣлѣ возсозданія храма, подобно тому, какъ два года назадъ народъ разсуждалъ: „не пришло еще время, не время—строить домъ Господень“ (Агг. 1, 2). То и другое не могло, конечно, входить въ планы пророка.

Отвергнувъ въ главѣ 7-ой выраженное въ самомъ вопросѣ пословъ мнѣніе о значеніи внѣшнихъ установленій, ведущихъ къ забвенію заповѣдей, пророкъ въ гл 8-ой отвѣчаетъ на скрытое желаніе ихъ узнать волю Божию относительно ожидающаго іудейскую общину будущаго. Здѣсь пророкъ, растворяя гнѣвъ милостью, отъ имени Божія изображаетъ перемѣну судьбы народа къ лучшему во всѣхъ отношеніяхъ: онъ говоритъ о возвращеніи Господа на Сіонъ, о наступленіи для жителей Іерусалима счастливой поры полного благополучія и долгоденствія, безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и внутренняго мира, о плодородіи земли, о томъ, наконецъ, что домъ Іудинъ и домъ Израилевъ, бывшіе для народовъ языческихъ предметомъ проклятія и насмѣшекъ, впредь, какъ спасенные и облагодѣтельствованные Богомъ, будутъ для всѣхъ въ благословеніе (8, 2—15).

Однако, для осуществленія этой невѣроятно благополучной перемѣны обстоятельствъ необходимо то самое условіе, невыполненіе котораго повело къ наказанію предковъ шлѣномъ. *Говорите истину другъ-другу; но истинъ и миролюбиво судите у воротъ вашихъ. Никто изъ васъ да не мыслитъ въ сердцѣ своемъ зла противъ ближняго своего, и ложной клятвы не любите; ибо все это Я ненавижу, говоритъ Господь* (стг 16—17). Тѣ бѣдствія, которыя іудеи навлекли своимъ непослушаніемъ Богу и его посланникамъ—пророкамъ, послу-

жили поводомъ для установленія дней печали и поста. Если отнынѣ, взявъ урокъ отъ бывшаго грознаго посѣщенія Божія, іудеи все свое вниманіе сосредоточатъ на исполненіи заповѣдей; то тѣ событія, которыя они считали великимъ бѣдствіемъ, послужатъ основаніемъ ихъ нравственнаго исправленія и вмѣстѣ возвращенія милости Божіей; воспоминанія о нихъ сдѣлаются источникомъ радости: слѣдовательно, посты превратятся въ празднества. Подобно тому, какъ пророкъ Амосъ отъ имени Божія угрожалъ *алчущимъ поглотить бѣдныхъ и погубить нищихъ: обращу праздники ваши въ стѣваніе и всѣ пѣсни ваши—въ плачъ* (8, 4. 10), такъ пр. Захарія, наоборотъ, изрекаетъ: *постъ четвертаго мѣсяца и постъ пятаго, и постъ седьмаго и постъ десятаго содѣляется для дома Іудина радостью и веселымъ торжествомъ* (8, 19). Если ранѣе іудеи, для которыхъ и праздники, по множеству постигшихъ ихъ бѣдствій, были временемъ стѣванія и плача, были презираемы язычниками; если имя Іуды и Израіля употреблялось часто въ устахъ проклинающихъ, призывающихъ на голову своего врага тѣ бѣдствія, какія разразились надъ домомъ Іуды и Израіля; если самое общеніе съ ними считалось опаснымъ; то впродъ, если только іудеи нравственно исправятся и заслужатъ прощеніе и милость Божію, всѣ посты ихъ обратятся въ дни веселія и торжества; ихъ имя будетъ употребляться въ выраженіяхъ благожеланія; представители всѣхъ народовъ и племенъ будутъ искать общенія съ ними: *будетъ въ тѣ дни, возьмутся десять челоувѣкъ изъ всѣхъ разноразличныхъ народовъ, возьмутся за полу Іудея и будутъ говорить: мы пойдемъ съ тобою, ибо мы слышали, что съ вами—Богъ* (8, 13).

Воспользовавшись даннымъ въ вопросѣ пословъ поводомъ, пророкъ разъясняетъ всему народу, не исключая и священниковъ, что гнѣвъ Божій постигаетъ за несоблюденіе заповѣдей, а благоволеніе Божіе привлекается внимательнымъ отношеніемъ къ словамъ пророковъ, требующихъ отъ имени Божія исполненія заповѣдей; что посты, какъ внѣшній подвигъ, какъ воздержаніе только отъ пищи и наружная скорбь, безъ внутренняго исправленія сердца, не могутъ имѣть никакого значенія въ нравственномъ отношеніи: что, наконецъ, іудеи должны такъ жить, чтобы посты, о которыхъ они сираиваютъ, могли превратиться въ празднества. Повиди-

тому, изъ рѣчи пророка можно вывести такое заключеніе, что онъ вообще не придаетъ поста мъ значенія, относится къ нимъ отрицательно или, по крайней мѣрѣ, безразлично. Но извѣстно, что у евреевъ былъ постъ установленный въ законѣ, что пророки и благочестивые цари иногда предписывали народу постъ (Ю. 1, 13—14: 2, 15; Іер. 36, 9: 2 Пар. 20, 3); что лица, извѣстныя своимъ благочестіемъ, налагали на себя, въ извѣстныхъ случаяхъ, постъ (2 Цар. 12, 16; Пс. 68, 11; Дан. 9, 3); покаяніе ниневитянъ, выразившееся, главнымъ образомъ, въ подвигахъ поста и воздержанія, отвратило отъ города полного злодѣяній пылающій гнѣвъ Божій (Іон. 3, 5—10). И въ ветхозавѣтное время постъ былъ средствомъ нравственнаго очищенія человѣка и умилостивленія Бога; но онъ былъ средствомъ и цѣннымъ былъ постольку, поскольку велъ къ достиженію высокой цѣли. Поститься и для ветхозавѣтнаго человѣка не значило воздерживаться только отъ пищи и питья. Самыя выраженія, употребляющіяся въ священннхъ книгахъ для обозначенія поста: „смирять душу“, „святить постъ“ (см Праздн. посл. св. Ананасія Алекс. I, 4), рельефно отбѣняютъ нравственный характеръ этого обрядоваго установленія и его нравственную цѣнность. Но какое же значеніе въ этомъ смыслѣ можетъ имѣть тотъ постъ, о которомъ говорить, напр., пр. Исаія: *вотъ, въ день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжкихъ трудовъ отъ другихъ. Вотъ, вы поститесь для ссоръ и распрвъ и для того, чтобы дерзкою рукою бить другихъ* (58, 3—4)? Такой чисто внѣшній, лицемѣрный постъ, совмѣщающійся съ нарушеніемъ заповѣдей, вызываетъ, безъ сомнѣнія, не милость Божію, а гнѣвъ. Поэтому то пр. Захарія настаиваетъ на томъ, что необходимое условіе дѣйственности и значенія поста до такой степени важно, что безъ соблюденія этого условія постъ является дѣломъ совершенно не имѣющимъ цѣнности. По толкованію бл Теодорита, пророкъ, „обучивъ думающихъ, что однимъ постомъ можно служить Богу, всѣмъ видамъ добродѣтели, вмѣстѣ съ тѣмъ узаконяетъ и постъ“. Подобный же смыслъ имѣютъ, конечно, и обличенія пр. Исаи, направленныя противъ приносящихъ многочисленныя жертвы и принимающихъ участіе въ праздничныхъ собраніяхъ: *къ чему Множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь... Не носите больше даровъ тщетныхъ:*

курение отъратительно для Меня; новолѣсячій и суббота, праздничныхъ собраній не могу терпѣть; беззаконіе—и празднованіе! (1, 11. 13).

Но выполненіе поста чисто внѣшнее не только безразлично въ отношеніи благоугожденія Богу, но и небезопасно въ нравственномъ отношеніи. Иудеи заботливо освѣдомляются о томъ, можно ли отмѣнить установленные ими посты: о заповѣдяхъ, данныхъ Богомъ, такой вопросъ немыслимъ: исполненіе заповѣдей всегда и при всякихъ условіяхъ обязательно. Однако, они, не обращаясь къ священникамъ и пророкамъ, отмѣняли ихъ въ своей жизни, относясь къ нимъ безъ должнаго вниманія. А выполненіемъ постовъ отстранялась, до нѣкоторой степени, самая мысль о заповѣдяхъ: оно служило, такимъ образомъ, къ усыпленію ихъ совѣсти, способствовало ихъ нравственному закоснѣнію. Постъ, какъ внѣшній подвигъ, легко поддающийся учету, естественно ведетъ къ фарисейскому превозношенію предъ людьми, не выполняющими его или выполняющими въ меньшей мѣрѣ, и даетъ какъ бы право считаться съ Богомъ, требовать отъ Него соотвѣтствующей награды за подвигъ и говорить: „почему мы постились, а Ты не видишь? смиряемъ души свои, а Ты не знаешь?“ (Ис. 58, 3). Такимъ образомъ, пр. Захарія обращаясь къ народу и священникамъ съ вопросами: *когда вы постились и плакали... для Меня ли вы постились? И когда вы ѣдите и когда пьете, не для себя ли вы ѣдите, не для себя ли вы пьете?* (7, 5—6), выражаетъ, очевидно, ту же мысль, какая опредѣленіе формулирована и подробнѣе развита въ новозавѣтномъ ученіи о постѣ (Мѡ. 15, 11: 1 Кор. 8, 8—13; Кол. 2, 20—23). Выполненіе постовъ въ память событій предлѣнной катастрофы было, слѣдовательно, по пророку, *самовольнымъ служеніемъ* (*εὐθελοθρονηεῖα*—Кол. 2, 23), какъ назвалъ этотъ видъ угожденія Богу Ап. Павелъ, или „суемудреннымъ воздержаніемъ“, какъ выразился одинъ изъ толкователей его посланій (Еп. Никаноръ).

IV.

Но не одно ли и то же праздники, что и посты? Не аналогичныя ли это установленія, имѣющія одинаковый смыслъ и одинаковую обязательность? Повидимому, да: и праздники

и посты, какъ установленія обрядовыя, сами по себѣ, имѣютъ одинаковое значеніе. Однако, изъ книги пр. Захаріи мы видимъ, что къ постамъ возможно безразличное отношеніе: они имѣютъ цѣнность только тогда, когда ведутъ къ нравственному исправленію, и для соблюдающихъ заповѣди Божіи они должны превратиться въ празднества. Каково же должно быть отношеніе къ празднествамъ, замѣняющимъ посты для исполнителей заповѣдей? Пр. Захарія, въ послѣдней главѣ своей книги, говоритъ о совершеніи праздника кущей, какъ объ обязательномъ долгѣ предъ Богомъ для всѣхъ народовъ, какъ о такомъ долгѣ, забвеніе котораго подвергаетъ безпечныхъ тяжкому наказанію. Уже въ гл. 8-ой пророкъ выступаетъ за предѣлы исторіи ветхозавѣтнаго Израиля. Проникая своимъ взоромъ въ отдаленное будущее, онъ, въ концѣ главы 14-ой изображаетъ наступленіе того порядка вещей, когда состоится сближеніе и объединеніе іудейства и язычества, когда въ святомъ городѣ Іерусалимѣ и во всей землѣ избранаго народа наступитъ пора всеобщаго освященія, и различіе между священнымъ и несвященнымъ исчезнетъ. Тогда *то все остальные изъ всѣхъ народовъ, приходившихъ противъ Іерусалима, будутъ приходять изъ года въ годъ для поклоненія Царю, Господу Саваоу, и для празднованія праздника кущей. И будетъ: если какое изъ племенъ земныхъ не пойдетъ въ Іерусалимъ для поклоненія Царю, Господу Саваоу, то не будетъ дождя у нихъ. И если племя Египетское не поднимется въ путь и не придетъ (сюда), то... постигнетъ его пораженіе, какимъ поразитъ Господь народы, не приходящія праздновать праздника кущей* (стг. 16—18). За опущеніе долга поклоненія Господу въ праздникъ кущей всѣмъ народамъ назначается кара, опредѣленная въ законѣ Моисеевомъ для евреевъ за поклоненіе богамъ инымъ (Втор. 11, 16—17).

Посты, подобныя тѣмъ, какіе установлены были послѣ разгрома Іудейскаго царства, имѣютъ въ своемъ основаніи забвеніе заповѣдей Божіихъ и бѣдствія, какъ слѣдствіе пренебреженія повелѣніями Божіими. А празднованіе есть благодареніе Богу за милости, которымъ предшествовала жизнь въ покорности волѣ Божіей. У наложившаго на себя постъ, въ знакъ скорби о постигшихъ бѣдствіяхъ, въ прошломъ грѣхи и противленіе Богу: у празднующаго—подвиги доброты, жизнь согласная съ волею Божіей. Кто не приплетъ

на праздникъ, не принявъ въ немъ участія, тотъ не только нарушилъ заповѣдь о посвященіи Богу опредѣленныхъ въ законѣ дней, но и оказался не подготовленнымъ къ празднованію исполненіемъ воли Божіей и побѣдою надъ грѣхомъ: а потому заслуживаетъ наказанія. Въ основѣ поста вообще лежитъ фактъ перваго грѣхопаденія, распространившагося на весь родъ человѣческій, и безчисленныхъ грѣхопаденій цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Домостроительство спасенія направляется къ той цѣли, чтобы изгладить грѣхъ, для борьбы съ которымъ сдѣлался необходимымъ, между прочимъ, и постъ. Посты въ томъ будущемъ, которое созерцаетъ пророкъ, ожидаетъ полная отмѣна: а празднества, установленныя и ветхозавѣтнымъ закономъ и христіанскою Церковью,—это не что иное, какъ предначатіе вѣчнаго торжества на небѣ для вѣрующихъ, одержавшихъ побѣду надъ грѣхомъ. Въ этомъ смыслѣ праздники имѣютъ непреходящее значеніе, котораго не имѣютъ посты. Обязательное празднованіе всѣми народами праздника кущей, отправлявшагося ежегодно, между прочимъ, и въ качествѣ благодарственной жертвы Богу по окончаніи жатвы, предугазываетъ на вѣчное небесное празднество, имѣющее открыться послѣ того, какъ пшеница, о которой говорилъ Самъ Спаситель и Его Предтеча, будетъ собрана въ небесную житницу, а плевелы сожжены огнемъ (Мѡ. 3, 12; 13, 30). Къ этому небесному торжеству можно подготовиться только чрезъ достойное празднованіе здѣсь на землѣ установленныхъ во славу Божію празднествъ.

Итакъ, пророкъ, говоря какъ бы о ненужности постовъ и о безусловной обязательности праздниковъ, возводитъ мысль своихъ слушателей и читателей къ тому порядку вещей, который въ полной мѣрѣ осуществится въ царствѣ славы. Когда будетъ побѣжденъ грѣхъ, совсѣмъ утратятъ значеніе посты, какъ средство борьбы съ поврежденною грѣхомъ человѣческою природою, какъ естественное выраженіе печали о грѣхахъ и о постигающихъ за нихъ бѣдствіяхъ. Наоборотъ, откроется вѣчное празднество, какъ торжество побѣды надъ грѣхомъ. вмѣсто существовавшаго дотолѣ рѣзкаго противоположенія между іудеями и язычниками, состоится ихъ сближеніе и объединеніе: всѣ народы будутъ призваны (не безъ посредства избраннаго народа) къ истинной вѣрѣ и

пріобщатся къ тѣмъ благамъ, которыя прежде были имъ такъ мало доступны, и вмѣстѣ съ іудеями будутъ свято выполнять долгъ благодаренія и прославленія Бога истиннаго. Тогда же исчезнетъ различіе между предметами священными и несвященными, которое также явилось въ слѣдствіе грѣха и составляло сущность ветхозавѣтнаго левитскаго служенія. Всѣ предметы сдѣлаются священными, все будетъ служить во славу Божию. *Въ то время даже на конскихъ уборахъ будетъ (начертано): святыня Господу, и котлы въ домъ Господнемъ будутъ, какъ жертвенныя чаши предъ алтаремъ. И всѣ котлы въ Иерусалимъ и Іудей будутъ святынею Господа Саваога* (стт. 20—21). Исчезнетъ, слѣдовательно, различіе между обыденною жизнью и священнодѣйствіями: вся жизнь вѣрующихъ будетъ непрерывнымъ служеніемъ Богу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, исчезнетъ различіе между священниками и мірянами (ст. 21). Наступитъ такое состояніе, въ которомъ не будутъ различаться язычники и іудеи, священники и міряне, домашняя жизнь и храмовое богослуженіе, предметы священные и несвященные; по различію между истинными поклонниками и лицемерами, теперь не всегда легко обнаруживаемое, тогда выступитъ съ такою ясностью, что доступъ къ дому Господа невѣрующимъ и лицемерамъ будетъ окончательно прегражденъ: *не будетъ болѣе ни одного Хананея въ домъ Господа Саваога въ тотъ день*—такими словами заключаетъ пр. Захарія свою книгу (14, 21). Подъ Хананеемъ, соотвѣтственно употребленію этого имени въ Ветхомъ Завѣтѣ и пониманію его у бл. Іеронима, слѣдующаго въ данномъ случаѣ переводу Акилы, можно разумѣть и торговца, купца. Истинное служеніе Богу, по пр. Захаріи, слѣдовательно, совершенно несовмѣстимо съ какими нибудь матеріальными разсчетами: тому, кто въ формальномъ служеніи Богу, въ выполненіи внѣшнихъ обрядовъ захотѣлъ бы видѣть какъ бы своего рода доходную статью, даже не будетъ доступа къ святому храму Божию.

V

Изложенные отдѣлы пророческой книги можно разсматривать какъ пророчество о будущей судьбѣ избраннаго народа и Царства Христова и какъ нравственныя наставленія, имѣю-

нія непосредственное отношеніе къ современникамъ пророка, но не теряющія своего значенія и до нашихъ дней. Осуществленіе предреченій пр. Захаріи можно видѣть въ самомъ строѣ христіанской жизни, въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ должны созидаться и укрѣпляться христіанскія общества. Приближеніе къ тому идеальному строю, который рисуетъ въ 14-ой главѣ и полное осуществленіе котораго выходитъ за предѣлы земного существованія, зависитъ отъ усердія и искренности самихъ христіанъ въ дѣлѣ созиданія Царства Божія. Путь нравственнаго совершенства труденъ и длителенъ; въ этомъ убѣждаетъ состояніе современнаго общества, именующагося христіанскимъ: оно въ лицѣ очень многихъ своихъ представителей не двинулось впередъ сравнительно съ современниками Основателя христіанской вѣры и даже съ тѣми ихъ отдаленными предками, къ которымъ обращался съ словомъ вразумленія и обличенія пр. Захарія.

„Нужно ли поститься?“—этотъ вопросъ часто слышится и въ наше время. Разнообразны тѣ отвѣты, которые даютъ христіане на этотъ вопросъ словомъ и самою жизнью. Многие рѣшительно отвергаютъ всякое значеніе постовъ: ссылаясь на Писаніе ветхозавѣтное и новозавѣтное, они развиваютъ ту мысль, что для Бога имѣетъ значеніе соблюденіе заповѣдей, а не посты и другіе внѣшніе подвиги. Если бы эти лица, отрицающія посты въ принципѣ и не считающіяся съ ними въ жизни, были искренними и ревностными исполнителями заповѣдей; трудно было бы опровергать ихъ доводы. Но обыкновенно отрицатели постовъ совершенно равнодушны и къ нравственнымъ заповѣдямъ, они христіане только по имени. Стремящійся къ нравственному совершенству и соблюдающій заповѣди не только не станетъ отвергать значенія постовъ, но и задавать вопросъ объ ихъ обязательности: для него посты—испытанное средство борьбы съ грѣхомъ, рекомендуемое Церковью. Такимъ образомъ, гдѣ слышится этотъ вопросъ, всегда можно предполагать забвеніе заповѣдей. Есть другая категорія лицъ,—признающихъ обязательность поста, какъ и вообще необходимость стѣдванія уставамъ Церкви. Соблюденіе устава о постѣ въ точности они находятъ непосильнымъ; и ссылаясь на слабость человѣческой природы вообще и, въ частности, на свои немощи, они выполняютъ посты съ различными послабленіями,

самовольно допускаемыми. Иногда эти послабления, особенно у людей состоятельныхъ, простираются до того предѣла, что этого рода постниковъ весьма не легко отличить отъ чревоугодниковъ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ, указывая на другихъ, самодовольно повторять: „нѣсмь, якоже прочіи“. Есть, наконецъ, значительное число такихъ, которые стараются, по возможности, точно выполнять требованія церковнаго устава; а если явится нужда или представится благовидный предлогъ, то не рѣшаются за свой страхъ и рискъ разрѣшить поста и обращаются въ такихъ случаяхъ за разрѣшеніемъ къ священникамъ. Эти люди считаютъ себя, конечно, истинно религіозными и благочестивыми: хотя и у нихъ такъ часто дисциплина поста стоитъ внѣ всякой связи съ стремленіемъ къ нравственному совершенству: въ постѣ они видятъ не средство, а цѣнную заслугу предъ Богомъ, внѣ всякаго отношенія къ внутреннему настроенію. Возлагая большія надежды на посты, опасаясь нарушить букву устава о постахъ, они безъ всякаго опасенія оставляютъ *важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру* (Мѣ. 23, 23), напоминая тѣхъ, для кого потребовались разъясненія изложенныя въ 7 и 8 главахъ книги пр. Захаріи.

Въ средѣ русскаго православнаго народа между отношеніемъ къ обрядамъ и дѣйствительнымъ благочестіемъ нерѣдко наблюдается невѣроятный, чудовищный разладъ. Это подмѣчено народомъ и выражено въ общеизвѣстномъ рассказѣ о разбойникахъ, которые, послѣ только что оконченной страшной работы, не рѣшились ѣсть скоромное, такъ какъ была среда. Наблюденія надъ жизнью могутъ убѣдить въ томъ, что этотъ рассказъ можно принять за повѣствованіе о дѣйствительномъ происшествіи, повторившемся, быть можетъ, многое число разъ. О фактахъ подобнаго рода повѣствуетъ наша исторія. Въ своеобразной обители, учрежденной нѣкогда въ слободѣ Александровской, неразъ, конечно, разыгрывались сцены, подобныя слѣдующей. По приказу грознаго царя и вмѣстѣ смиреннаго игумена, вызванному чаще всего интригами и навѣтами его приближенныхъ, только что замучены и умерли среди жесточайшихъ пытокъ иногда ни въ чемъ неповинные люди. Исполнители или свидѣтели казни докладываютъ царю, что такіе то рабы Божіи „представились“ или „отопили“ (выражаются мягко и уставно!).

Онъ немедленно выписываетъ въ синодикъ преставившихся рабовъ Божіихъ, заботливо слѣдить за тѣмъ, какъ бы не опустить кого, посылаетъ милостыню за упокой ихъ душъ. Послѣ того безотлагательно идутъ къ богослуженію, строго выполняютъ уставъ о поклонахъ, за трапезой читаютъ поученіе о постѣ и воздержаніи. Если не всё, то многіе изъ этихъ людей, которыхъ только что почившій знаменитый историкъ (В. О. Ключевскій) называетъ „цитатными разбойниками“, и во всякомъ случаѣ, ихъ глава, дерзали считать себя послушными сынами Церкви, борниками благочестія, истинными постниками. Грозныи не только смущенныи и негодующій, но и оскорбленныи въ своихъ чувствахъ строгаго постника отступаетъ предъ кускомъ мяса, предложеннымъ ему въ посту юродивымъ. Если обратимся отъ этой исключительной исторической личности къ обыденной жизни съ ея заурядными дѣятелями, то можемъ встрѣтить сплошь и рядомъ аналогичное отношеніе русскихъ православныхъ людей къ внѣшнимъ обрядамъ и къ заповѣдямъ о любви и справедливости. Какъ много, напр., такихъ строгихъ исполнителей устава о пищѣ, которые, начиная по христіанскому обычаю свой трудовой день молитвою, посвящаютъ его обману и клятвопреступленію! Когда подобныя лица, не выходящія, но внѣшности, изъ новиновенія Церкви и ея служителямъ, приходятъ къ священнику съ вопросомъ, можно ли, напр., по болѣзни, отмѣнить или ослабить постъ, священникъ могъ бы, не давая отвѣта отъ себя, открыть книгу пръ Захаріи и прочитатъ: *когда вы поститесь..., для Меня ли вы поститесь?.. И когда вы ѣдите и когда пьете, не для себя ли вы ѣдите, не для себя ли вы пьете?... Вотъ дѣла, которыя вы должны дѣлать* и т. д. (7, 5—6; 8, 16—17). До такой степени современная намъ дѣйствительность воспроизводитъ времена давно минувшія!

Помимо формализма, цѣнящаго только внѣшніе подвиги, фарисейскаго лицемерія и самопревозношенія—желанія не быть какъ прочіе, стремленія выставятъ свою мнимую праведность напоказъ, въ настроеніи лицъ этой категоріи можно еще отмѣнить такую черту, которая не только обезцѣниваетъ ихъ внѣшніе подвиги, но и свидѣтельствуетъ о крайней смутности основныхъ религіозныхъ представленій. Это—стремленіе и свои отношенія къ Богу устанавливать по

образу жителіскихъ коммерческихъ сдѣлокъ и предпріятій, стремленіе получить какъ можно больше наиболѣе выгоднымъ путемъ. *Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди*—сказалъ Спаситель ищущему пути спасенія (Мѣ 19, 17): о соблюденіи заповѣдей говорили пророки, этого требовалъ законъ. Но *широка заповѣдь Твоя зѣло* (Ис. 118, 96). Гдѣ предѣлы ея выполнения? Достиженіе спасенія путемъ исполненія заповѣдей, этимъ единственно истиннымъ путемъ, требуетъ постоянной духовной бдительности, борьбы со страстями, дѣлъ милосердія и любви къ ближнимъ, непрестаннаго хожденія предъ Богомъ. А обряды выполнить съ буквальной точностью, хотя и не легко для плотскаго чловѣка, но возможно: не вкушать извѣстнаго рода пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней или недѣль, положить извѣстное количество поклоновъ, отстоять нѣсколько продолжительныхъ службъ церковныхъ—это доступно всякому, за исключеніемъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ или больныхъ. Но зато, исполнившій въ точности уставныя требованія, какъ ему кажется, въ правѣ смотрѣть на ближнихъ съ сознаніемъ превосходства, въ правѣ предоставить себѣ свободу въ отношеніи къ другимъ болѣе высокимъ и важнымъ требованіямъ христіанскаго закона и ожидать отъ Бога заслуженной награды; а въ случаѣ тишетности ожиданій, обращаться къ Богу съ словами недоумѣнія и ропота: „*почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряемъ души свои, а Ты не знаешь?*“ (Ис. 58, 3). Посты въ наше время для многихъ являются не средствомъ поддержанія духовной бдительности, средствомъ борьбы со страстями, а замѣною осуществленія въ жизни нравственныхъ заповѣдей—такъ же, какъ для современниковъ пр. Захаріи и для тѣхъ, чья показная праведность была обличаема Спасителемъ.

Путь обрядоваго благочестія представляется легчайшимъ и, такъ сказать, болѣе выгоднымъ способомъ угожденія Богу.

VI.

Въ современномъ намъ христіанскомъ обществѣ, въ сужденіяхъ о постахъ и въ отношеніи къ нимъ въ жизни, чаще всего забывается нравственная точка зрѣнія; взгляды на посты у большинства такъ извращены, что и исполнители

предписаніи о постѣ болѣе заслуживаютъ порицанія, нежели одобренія.

Утрачены для многихъ христіанъ и истинный смыслъ праздниковъ. Вопросъ о сокращеніи праздниковъ и другіе, относящіеся сюда вопросы волнуютъ современное общество: они поставлены на очередь и ждутъ своего рѣшенія даже въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Легко замѣтить, что каждое сословіе, каждая общественная группа, при рѣшеніи вопросовъ о праздникахъ, руководится своими особыми соображеніями: тогда какъ слѣдовало бы ожидать, что взглядъ на праздники и отношеніе къ нимъ у всѣхъ христіанъ будутъ одинаковы. Мы видимъ, напр., что рабочіе, такъ называемые сознательные или, по крайней мѣрѣ, ихъ вожаки, предпочтительно предъ великими христіанскими праздниками, съ большою рѣшительностью и съ немалымъ для себя рискомъ готовы отстаивать первомайское празднество рабочихъ, въ основѣ котораго не лежитъ христіанская идея. Военное сословіе, иногда довольно безразлично относящееся къ общепочитаемымъ великимъ праздникамъ, не поступится, конечно, своими полковыми праздниками. Люди, видящіе въ религіи тормазъ для истиннаго просвѣщенія, желающіе освободить народъ отъ вліянія духовенства, готовы отмѣнить хоть всѣ христіанскіе праздники. Даже само духовное сословіе, возставая противъ отмѣны празднованія нѣкоторыхъ дней, руководится иногда соображеніями, къ нравственному совершенству пасомыхъ отношенія не имѣющими.

Жизнь христіанскаго общества, подъ вліяніемъ требованій времени, слагается такъ, что и самые праздники для многихъ становятся въ тягость или отличаются отъ постовъ только „разрѣшеніемъ на вся“ и освобожденіемъ отъ ежедневныхъ обязательныхъ занятій. Для многихъ, по выраженію о. Іоанна Кронштадтскаго, праздникъ представляетъ интересъ „только ради праздности“ (Слова и поученія, произнесенныя .. въ 1907—8 гг., стр. 64—65). Общезвѣстенъ фактъ, что отцы семействъ предпраздничные дни посвящаютъ хожденію по базарамъ, а матери и хозяйки, даже и религіозно-настроенныя, пасхальную ночь проводятъ на кухнѣ. На праздничное время назначаются обыкновенно разнаго рода болѣе или менѣе противныя духу христіанства развлечения и увеселенія, не прекращающіяся, впроч., совершенно и во

время постовъ. Въ продолженіе поста сокращаютъ свои расходы, довольствуясь болѣе простымъ столомъ и воздерживаясь отъ увеселеній; но чаще всего въ своихъ же собственныхъ интересахъ: не для того, чтобы изъ своихъ сбереженій „дать алчущимъ хлѣбъ“, а чтобы истратить ихъ на себя же въ праздникъ, слѣдующій за постомъ, вознаграждая себя за временное воздержаніе. Въ такомъ случаѣ, позволительно и къ современнымъ христіанамъ обратиться съ вопросомъ, не для себя ли только ограничиваютъ они свои потребности во время поста и празднуютъ христіанскія празднества, и имѣетъ ли такое празднованіе какое-нибудь отношеніе къ Богу?

Кромѣ того, у насъ можно признать установившимся взглядъ, по которому болѣе значенія придается постамъ, нежели праздникамъ; обыкновенно болѣе опасаются отвѣтственности за небрежное выполненіе постовъ, нежели за недостойное провѣдженіе праздничныхъ дней. Но въ сущности, послѣднюю степень ожесточенія и противленія призыву Церкви къ спасенію необходимо видѣть именно въ нехристіанскомъ отношеніи къ праздникамъ. За нежеланіе почитать праздникъ куцей, ветхозавѣтный пророкъ угрожаетъ гнѣвомъ Божиимъ. Св. Кирилль Алекс. день воскресенія Христа называетъ „истиннымъ праздникомъ куцей“. „Поводомъ для праздника (куцей), говоритъ онъ, законъ ставилъ обитаніе Израиля въ шатрахъ, по освобожденіи его отъ жестоковласти Египтянъ. Это было прообразомъ таинства Христа. И мы сами освобождены отъ жестоковласти діавола и призваны... въ свободу чрезъ Христа“ Величайшему христіанскому празднику посвящено извѣстное слово другого великаго отца Церкви. Въ этомъ словѣ можно усматривать какъ бы параллель къ пророчеству Захаріи объ отношеніи постовъ къ заповѣдямъ и общеобязательности праздника куцей для всѣхъ народовъ. Златоустый учитель приглашаетъ на пиръ въры и постившихся и не постившихся, трудившихся и лѣнивыхъ. Какъ язычникамъ, по пророку Захаріи, предоставляется возможность загладить грѣхи цѣлой жизни, проведенной въ служеніи ложнымъ богамъ, достойнымъ участіемъ въ праздникѣ куцей; такъ христіанамъ, проведеннымъ великій постъ (или большое число постовъ, большую часть жизни) не по-христіански, въ лѣности и невоздержаніи, пре-

лагается, съ надеждою на милосердіе Божіе, принявъ участіе въ величайшемъ христіанскомъ торжествѣ. Это—послѣднее средство обращенія грѣшника на путь спасенія: общаніе забвенія грѣховъ его, предложеніе ему участія въ пиршествѣ безъ предшествующихъ трудовъ: требуется, конечно, вѣра и искреннее намѣреніе измѣнить свой образъ жизни. Ради дня всепрощенія св. отецъ умалчиваетъ о томъ, что постигнетъ тѣхъ, кто отвергнетъ предложеніе, не откликнется на призывъ Церкви. Но отвѣтъ ясенъ: *„не будетъ на нихъ дождя*, то есть, не будетъ имъ оказано ни малаго челоуѣколюбія“—толкуеть бл. Феодоритъ слово пророческаго прещенія на пренебрегающихъ долгомъ поклоненія Господу въ праздникъ кущей. Какъ въ словахъ пророка: *не будетъ дождя* слѣдуетъ видѣть въ смягченной формѣ страшную угрозу: такъ въ умолчаніи пасхальнаго слова Златоуста, безъ сомнѣнія, кроется та же угроза для того, кто не только не хотѣлъ поститься и трудиться, но и пренебрегъ предложеніемъ участія въ божественной вечери. Сопоставляя пророчество Захаріи о томъ наказаніи, которое постигнетъ упорствующихъ въ невѣрїи язычниковъ, съ повѣствованіемъ евангелиста Іоанна о томъ, какъ Господь Іисусъ Христосъ, пришедши въ Іерусалимъ на праздникъ кущей (7, 2. 10), *въ послѣдній великій день праздника ...возгласилъ, говоря: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей* (ст. 37); мы должны придти къ тому выводу, что въ примѣненіи къ христіанамъ угроза пророка означаетъ лишеніе духовныхъ благодатныхъ даровъ, которое влечетъ за собою смерть духовную и вѣчную погибель: такъ какъ, замѣчаетъ евангелистъ: *сіе сказалъ Онъ о Духѣ, Котораго имѣли принять върующіе въ Него* (ст. 39).

VII.

Съ наступленіемъ новозавѣтнаго времени, съ провозвѣстіемъ евангельскаго ученія осуществилось пророчество Захаріи о наступленіи поры всеобщаго освященія. Въ Царствѣ Христовомъ уже нѣтъ народа, по преимуществу близкаго къ Богу, нѣтъ и отверженныхъ язычниковъ (Дѣян. 10, 35: Рим. 3, 29: 10, 12: Гал. 3, 28): средостѣніе, отдѣлявшее язычество отъ избраннаго народа, пало (Еф. 2. 14). Теперь уже нѣтъ столь рѣзкаго различія между священниками и

мірянами, какое было въ ветхозавѣтное время. Въ Церкви Христовой правомъ на священство обладаетъ не одинъ какой нибудь избранный родъ или особое сословіе: доступъ къ нему открытъ для всѣхъ желающихъ и достойныхъ, независимо отъ вѣшнихъ условій происхожденія и соціального положенія. Самы міряне стали, такъ сказать, ближе къ Богу и къ святымъ. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ Оза поражается смертью за одно прикосновеніе къ ковчегу, вызванное необходимостью (2 Цар. 6, 6—7), то въ Новомъ, по нуждѣ, даже таинство крещенія можетъ быть совершено вѣрующимъ міряниномъ. *Вы — родъ избранный, царственное священство, народъ святой*—съ такими словами обращается св. Ап. Петръ ко всѣмъ вѣрующимъ (1 посл. 2, 9, ср. ст. 5). Если въ ветхозавѣтное время священныя обряды могли быть совершаемы только при скинии или при храмѣ; то теперь, за немногими исключеніями, и богослужебныя дѣйствія и даже таинства могутъ быть отправляемы въ домахъ христіанъ: и самыя христіанскія семейства могутъ именоваться домашними церквами (1 Кор. 16, 19), а дома христіанъ, слѣдовательно, считаются какъ бы храмами. Домашняя утварь можетъ служить при совершеніи молитвословій и священныхъ обрядовъ, какъ и пророчествовалъ Захарія: вещи, бывшія въ домашнемъ употребленіи, могутъ быть взяты для употребленія церковнаго.

Но описанный въ послѣдней главѣ книги пр. Захаріи идеальный порядокъ, въ полной мѣрѣ, можетъ быть осуществленъ только на обновленной землѣ. При настоящихъ же условіяхъ, отъ самихъ христіанъ зависитъ осуществлять его въ возможно болѣе высокой степени. Наблюдая жизнь христіанъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что христіане далеко не всегда способствуютъ достиженію этой цѣли. Съ одной стороны, различіе между лицами и предметами священными и несвященными пытаются провести со всею рѣзкостью, тогда же сближаютъ священное и несвященное, не освящая обыденное, а профанируя священное. Міряне часто находятъ для себя выгоднымъ и удобнымъ углублять грабь, отдѣляющую ихъ отъ священства, сознавая недостаточность собственнаго усердія къ выполненію обязанностей, полагаемыхъ званіемъ христіанина, они нерѣдко говорятъ въ свое оправданіе: „мы не священники, мы не монахи“, и они довольны, что по

ихъ разсужденію имѣють, такъ сказать, право быть далекими отъ святости и близости къ Богу. А лица священнаго сана и иноческаго званія какъ бы не хотятъ превзойти мірянъ въ стремленіи къ нравственному совершенству; они также, въ оправданіе своихъ слабостей, говорятъ иногда: „мы такіе же люди: зачѣмъ требовать отъ насъ того, что вообще трудно выполнимо для слабаго плотскаго человѣка?“ Они, подобно одному изъ древнихъ патріарховъ, готовы отказаться отъ своихъ высокихъ правъ и преимуществъ, только бы оставили имъ чечевичную похлебку.

Изображая чудесную защиту Іерусалима противъ враждебныхъ народовъ, пр. Захарія говоритъ: *въ тотъ день защитятъ будетъ Господь жителей Іерусалима, и самый слабый между ними въ тотъ день будетъ какъ Давидъ, а домъ Давида будетъ какъ Богъ, какъ Ангелъ Господень предъ ними* (12, 8). Отцы, толковавшіе книгу пр. Захаріи (Ефремъ, Іеронимъ, Кириллъ Алекс.), изъясняютъ это мѣсто въ отношеніи къ меньшимъ въ обществѣ вѣрующимъ, т. е. къ мірянамъ, и къ предстоятелямъ церкви. Такимъ образомъ, въ этихъ словахъ пророка, для мірянъ предугадывается совершенство, приличествующее пастырямъ, а для этихъ послѣднихъ— достиженіе высоты ангельской, богоподобія; или, лучше— для тѣхъ и другихъ безъ различія, по слову Спасителя, необходимо стремленіе быть совершенными, *какъ совершенъ Отецъ... Небесный* (Мѡ. 5, 48).

Священникъ Д.м. Рождественскій.
